

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБЪЕДИНЕННОГО ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 99.0.088.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» по диссертации на соискание ученой степени кандидата наук

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от «18» сентября 2026 г. №41

О присуждении Полчаевой Фатимат Абдулнетифовне, гражданке Российской Федерации, ученой степени кандидата исторических наук.

Диссертация «Дагестанские династии с XIV в. до 1860 г. (историко-генеалогическое исследование)» по специальности 5.6.1. Отечественная история (исторические науки) принята к защите 03 июля 2026 г. (протокол заседания № 36) диссертационным советом 99.0.088.02, созданным на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; действующим на основании приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 878/нк от 22 июля 2022 г.

Соискатель Полчаева Фатимат Абдулнетифовна, 02 ноября 1994 года рождения, в 2015 году окончила Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» по специальности 030401.65 – История, в 2018 г. окончила аспирантуру Института истории, археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ДФИЦ РАН) по специальности Отечественная история. В период подготовки диссертации обучалась в аспирантуре. В настоящее время работает в Институте истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН в должности научного сотрудника.

Диссертация выполнена в отделе Древней и средневековой истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Научный руководитель – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН Мусаев Махач Абдулаевич

Официальные оппоненты:

Зайцев Илья Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заместитель генерального директора Государственного музея Востока, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской академии наук, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук.

Наумов Олег Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения «Российская государственная библиотека»

дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация – Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» в своем положительном отзыве, подписанном Закарияевым З. Ш., доктором исторических наук, профессором кафедры «Теория и практика перевода» ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» и Арсланбековой У. Ш., кандидатом философских наук, заведующей кафедрой гуманитарных дисциплин ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», указала, что диссертация Полчаевой Ф. А. «Дагестанские династии с XIV в. до 1860 г.(историко-генеалогическое исследование)» представляет собой самостоятельную научно-квалификационную работу, отвечающую критериям пунктов 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 18.07.2026 г.), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Соискатель имеет 11 опубликованных работ по теме диссертации, из которых 7 в изданиях из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованного ВАК при Минобрнауки России. Общий объем – 6,8 п.л.; авторский вклад – 6,2 п.л.

Наиболее значительные научные работы по теме диссертации, содержащие её ключевые результаты:

1. Полчаева, Ф. А. Сопоставительный анализ двух глав работы И. Н. Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью» // Манускрипт. 2018. № 11-1(97). С. 60-64. DOI 10.30853/manuscript.2018-11-1.13. – EDN YMMNNR.

2. Полчаева, Ф. А. Генеалогия кубинских ханов // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14, № 3. С. 20-25. DOI 10.24411/2618-6772-2018-13003. – EDN YLTIPB.

3. Полчаева, Ф. А. Династические связи дагестанских владельческих фамилий как фактор в борьбе с вторжением Надир-шаха // История, археология

и этнография Кавказа. 2022. Т. 18, № 1. С. 8-25. DOI 10.32653/CH1818-25. – EDN TIBLDD.

4. Полчаева, Ф. А., Мусаев, М. А., Алибеков, Х. Г. Генеалогия уцмийского рода по нарративу «Хроника Махмуда из Хиналуга» // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19, № 4. С. 946-958. DOI 10.32653/CH194946-958. – EDN WQQTPI.

5. Полчаева, Ф. А. Чанка и чанка-беки: социальное положение и правовой статус (XVIII – первая половина XIX века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2024. № 4(224). С. 80-85. DOI 10.18522/2687-0770-2024-4-80-85. – EDN URMCOV.

6. Полчаева, Ф. А. Принципы наследования феодальных образований в Дагестане в XV-XIX вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. № 2(65). С. 33-39. DOI 10.25744/vestnik.2024.59.35.005. – EDN IZUIJA.

7. Полчаева, Ф. А. Проблема происхождения дагестанских династий и возможности генетической генеалогии // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22, № 2. С. 261-268. DOI 10.32653/CH222262-268.

Недостовверные сведения об опубликованных соискателем ученой степени работах, в которых изложены основные научные результаты диссертации, отсутствуют.

На диссертацию поступили отзывы, содержащие ряд замечаний и рекомендаций:

в отзыве ведущей организации: 1) указано, что Гумик получил свое название по своему центру – Кумуху. А затем делается вывод, что именно поэтому раннесредневековый Гумик стал основой возникновения Казикумухского шамхальства. Однако логическая связь между этими положениями не раскрывается и не вытекает непосредственно из приведенных источников; 2) автор пишет, что в 1641 году шахмалом становится Сурхай, сын Алибека. Между тем использованные ею источники такого вывода не содержат. Более того, опубликованные исследования позволяют говорить о Сурхай-хане, сыне Герее; 3) стоило уделить больше внимания междинастическим бракам, а также роли женщин в рассмотренных династиях для составления более репрезентативной генеалогической схемы.

в отзыве официального оппонента Наумова Олега Николаевича: 1) при описании отдельных сюжетов было бы полезно обратиться к общим закономерностям бытования генеалогического знания, что позволило бы подчеркнуть интегрированность дагестанской генеалогии в мировой процесс развития и эволюции родословной культуры. Так, при описании легенды об арабском происхождении правителей можно сказать о том, что подобные сведения об иноземном происхождении основателей династий характерны для многих государств (самый очевидный пример – призвание варяга Рюрика), а также пояснить, какие причины имелись для возникновения такой мифологемы; 2) Несмотря на постоянную обращенность автора к анализу источников источниковедческий раздел во введении получился не вполне четким. Требуется совершенствования предложенная классификация источников. Вряд ли удачно их разделение по археографическому критерию на архивные и

опубликованные, демонстрирующему только форму существования и не имеющему непосредственного отношения к фундаментальным познавательным проблемам достоверности информации и подлинности текстов. Возможно, не следовало отказываться от традиционной видовой систематизации по типам и видам, поскольку она позволяет продемонстрировать информационный потенциал каждой из групп использованных источников; 3) Несмотря на множество ценных наблюдений и выводов, имеются резервы для дальнейшего анализа фактического материала, в частности, было бы желательно уделить больше внимания осмыслению матримониальных связей – не только их выяснению, но и обоснованию того, какие политические, идеологические и ментальные реалии их детерминировали. Кроме того, фактически отсутствуют выводы в некоторых разделах диссертации (см., например, раздел 1.3); 4) При анализе символики дагестанских династий логичным, по нашему мнению, выглядел бы анализ герба князя Тарковского, утвержденного в 1853 г. императором Николаем I. Это было своеобразное завершение самостоятельного развития символики дагестанских правителей, этап ее европеизации, событие, визуально указывавшее на окончательное причисление к аристократии Российской империи. Также было бы любопытно прокомментировать фигуры щитодержателей, одетых в национальную одежду, никак не обозначенную в описании герба; 5) В диссертации имеются погрешности в оформлении постраничных сносок и списка литературы (не все записи унифицированы, не везде обозначено количество страниц в книгах, по-разному указано название одного и того же издательства и т.д.).

в отзыве официального оппонента Зайцева Ильи Владимировича: 1) Крайне неприятное впечатление оставляет уровень редактуры текста. Написанный неплохим научным языком текст сильно проигрывает из-за отсутствия пробелов между словами – огромного количества «слипшихся» слов; 2) В первой главе при характеристике дореволюционной историографии автор достаточно подробно останавливается на трудах П. Г. Буткова, А. П. Берже, Е. И. Козубского, однако хотелось бы видеть более развернутый анализ работ современных дагестанских историков, занимавшихся данной проблематикой в последние десятилетия; 3) некоторые спорные выводы, касающиеся происхождения отдельных династий, например, дискуссия о происхождении шамхалов, приведены в работе без детального сопоставления всех имеющихся точек зрения, хотя такая дискуссия существует в историографии. Уместным было бы более полное изложение альтернативных позиций и их разбор; 4) Я полагаю, что использовать данные некоторых источников в отсутствии критических публикаций их текстов стоит достаточно осторожно, с опорой на другие (рукописные) версии. Приведу пример. Автор пишет (с.35): «Версия происхождения рода кайтагских уцмиев от курейшитов была найдена нами в следующих исторических источниках местного происхождения: 1. “Родословная Рустам-хана”...». Судя по всему (с.137), автор использует этот источник по публикации А. Берже (АКАК. Т.II. С. 1072). Однако, цитирует его не точно: у Берже имя сына Хамзы дано в форме Имарэ. Однако, Фатимат Абдулнетифовна дает его в форме Уммара (С.26, 136 и

таблица). А если обратиться к рукописи, то мы увидим, что там имя этого потомка Хамзы читается как Имад. Это ставит перед нами другую проблему: определение списков и редакций конкретного текста, который используется исследователем. Эту задачу, конечно, нельзя решить в рамках историко-генеалогического исследования, но помнить о ней надо; 5) Еще одно замечание, которое хотелось бы высказать не в качестве критики, а скорее, как направление для дальнейших исследований. Существовала ли в средневековом Дагестане записанная генеалогия как отдельный историографический жанр? Автор диссертации таким вопросом не задался, а должен был бы. В какой степени эта записанная генеалогия могла стать источником для классических исторических текстов Дагестана (Дербенд-наме, История Абу Муслима, Тарих Дагестан и многих других). Вспомним, что оригинальное название рукописи «История происхождения уцмиев и кайтагских беков» (Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Ф. 1. Оп. 1. Д. 286), на которую ссылается диссертант, - «Китаб насаб-наме-ий умер-и Кайтаг», т.е. дословно «Родословная книга эмиров Кайтага». В качестве сравнительного материала можно привести казахский пример, когда тексты истории ханов 18 и 19 вв. (Аблая и Кенесары) получили название «Насаб-наме» (вслед за жителями и духовными генеалогиями туркестанских шейхов), хотя реальной генеалогии в них почти не было. Эти вопросы лежат за пределами внимания диссертанта, и, строго говоря, должны быть решены в рамках другого исследования, которое относилось бы к генезису историографической традиции.

В отзыве на автореферат, поступившем от кандидата исторических наук, доцента, заведующего кафедрой истории ФГБОУ Дагестанского педагогического университета им. Р. Гамзатова Эмирханова Исмаила Аслановича имеется следующее замечание: в качестве пожелания хотелось бы отметить, что, несмотря на системное решение автором ряда теоретических задач, целесообразным представляется проследить судьбу представителей местных династий и после 1860 года.

В отзыве на автореферат, поступившем от доктора исторических наук, проректора по учебно-методической и научной работе ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования» Курбанова Ахмеда Джабраиловича указаны следующие замечания: 1) Автор за точку отсчета берет XIV в., с оговоркой, что «первые упоминания о правителях Кайтага и Казикумуха возводят их к X – XII в. Но отношения к исследуемым династиям эти единичные представители не имели». Здесь Полчаевой Ф. А. стоило вкратце дать разъяснение своему утверждению, об отсутствии связей или единства между прежними правителями и династиями, которые являются объектом ее исследования; 2) Остается непонятной и ситуация с «дербентско-кубинской» династией, почему она выпала из общего списка? Поскольку в Дербенте в разные хронологические рамки правили представители ряда династий, следовало бы сделать оговорку, что речь идет только о династии, находившейся у власти в XVIII-XIX вв.

В отзыве на автореферат, поступившем от доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры истории России ФГБОУ ВО «Дагестанский

государственный университет» Гаруновой Нины Нурмагомедовны имеется следующее замечание: мало внимания уделено таким вопросам как династические и междинастические браки правящих домов, так как важную роль в системе политических взаимоотношений дагестанских феодальных правителей на протяжении веков играли династические связи.

В отзывах отмечена актуальность диссертационного исследования, его несомненная научная новизна и практическая значимость, дана оценка личного вклада соискателя в разработку изучаемой проблематики. Отмечено, что достоверность выводов, сделанных диссертантом, подтверждается анализом большого комплекса письменных источников и литературы, имеющей непосредственное отношение к теме исследования, сделан вывод о том, что Полчаева Фатимат Абдулнетифовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Также на автореферат поступили негативные отзывы от члена Союза писателей России Б. А. Аджаматова и представителя Дагестанской региональной общественной организации «Национальный совет кумыкского народа» А.М. Темирова.

В отзыве на автореферат, поступившем от члена Союза писателей России Б. А. Аджаматова имеются следующие замечания: 1) автор пишет о Казикумухском шамхальстве, существовавшем с IX-X вв. Не было никакого шамхальства в этот период. К тому же диссертантка искажает термин «шамхальство», добавляя «Казикумкухское», что противоречит источникам; 2) Полчаева Ф. А. игнорирует факт изначального существования шамхальства Тарковского, самого крупного государственного образования Северо-Восточного Кавказа; 2) Столицей шамхалов служил не только Кази-Кумух, как утверждает автор, но и Тарки, Бойнак, Кафыр-Кумух; 3) то, что в Кумухе похоронены некоторые шамхалы вовсе не означает, что они были казикумухские. Диссертантка забывает, что шамхалы, продолжая традиции хазарских каганов, имели несколько резиденций. Кази-Кумух и являлся летней резиденцией; 4) территория расселения кумыков является их историческим местом обитания, а само население, автохтонным. Необходимо прекратить представлять кумыков как пришлых кочевников, осевших не на своих землях; 5) история кумыков становилась предметом исследования еще в дореволюционной историографии. Отечественные дореволюционные авторы как М. Чулков, И. Гильденштедт, С. Броневский, П. Зубов, М. Б. Лобанов-Ростовский, Н. Дубровин, И. Березин, Ф. Леонтович и некоторые другие, коснулись разных аспектов истории кумыков. Лобанов-Ростовский М. Б. в своем труде «Кумыки, их нравы, обычаи и законы», специально исследовал, прежде всего, социальную иерархию кумыкского социума. Аналогичное мы можем сказать о вкладе в изучение истории и этнографии кумыков дореволюционного местного автора Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках». Профессор Р. М. Магомедов в своем фундаментальном труде «Общественно-экономические и политический строй Дагестана, а XVIII – начале XIX вв.» отдельно затронул общественно-политический и экономический строй кумыков. Другой пример Е. Н. Кушева в

фундаментальной монографии «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв.)» серьезное внимание уделила политической истории кумыков, взаимоотношениям их правителей и т.д.; 6) Полчаева Ф. А. не учла новые подходы по проблеме шамхальства в отечественном кавказоведении, в частности в дагестанской историографии. Начиная с 2000-х гг. по настоящее время изданы фундаментальные монографии (Акбиев А. С. «Общественный строй кумыков в XVII – XVIII вв». Махачкала, 2000; Абдусаламов М.-П. Б. «Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в.» М., 2017 и др.), рецензируемые статьи в серьезных научных изданиях из Перечня ВАК и в SCOPUS (Идрисов Ю. М., Абдусаламов М.-П. Б. «К вопросу об образовании шамхальства Тарковского (проблемы и поиски)» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. №3. С.125-130; Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П. Б. «Политическая элита шамхальства Тарковского в отношениях с соседями в XVI – XVII веках: идентичность и идеология» // Вестник Воронежского государственного технического университета. Сер.: «Гуманитарные науки». 2013. Т.9, №3-1. С.152-158; Ю.М. Идрисов «Резиденции шамхалов тарковских: историческая традиция в сравнительном аспекте» // Средневековые тюрко-татарские госудаства. Казань, 2015. №7. С.78-81; Акбиев А. С., Абдусаламов М.-П. Б. «К вопросу о термине “Казикумухское шамхальство”» // Вопросы истории. 2019. №12 (3). С.5-13; Акбиев А. С., Абдусаламов М.-П. Б. «О происхождении дагестанских шамхалов и Казикумухском шамхальстве (XII – XVI вв.)» // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2019. Т.25, №4. С. 8-13 и др.), проведены международные конференции («Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI – вторая половина XVII в.): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 460-летию Султан-Махмуда». Махачкала, 2010 г.; «Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (XVII – XVIII вв.)»: материалы междунар. науч. конф. (20 апреля 2011 г.) / сост.: В. А. Вагидов, Д. С. Кидирниязов. М., 2011).

В отзыве на автореферат, поступившем от А. М. Акаева и А.М.Темирова, членов Дагестанской региональной общественной организации «Национальный совет кумыкского народа», имеются следующие замечания: 1) в Конституции Республики Дагестан, кумыки указаны в числе коренных народов Дагестана (третья по численности в Дагестане). Попытки приписать нас к пришлым, к народу без истории, носит антинаучный характер и наносит вред стабильности в Дагестане и нарушает основы Конституции РД; 2) у нас вызвало непонимание предложенные на Л.4 автореферата заявленные географические рамки диссертации, решившей разрезать на части территориальные границы шамхальства на севере до реки Сулак, а по факту, северная граница доходила до р. Терек, а на юге – до Дербента в разные периоды развития шамхальства и как раз, в указанных хронологических рамках диссертации. Поэтому изъятие части территорий шамхальства несмотря на его административный распад, окончательно который завершился к концу XVII в., но продолжавшие себя

относить к дому шамхалов представители отошедшей части этого владения никогда не прерывали связи с Тарками; 3) о том, что Маршаев Р. и его сторонники неправильно трактуют роль Казикумуха в истории шамхальства, обратил внимание сразу же внимание корифей дагестанский исторической науки Р. М. Магомедов и многие другие ученые, которых Палчаева Ф. пытается не замечать (Р. М. Магомедов «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в.» Махачкала, 1957. С.146). Итак, останется фактом – нет никаких данных участия Кумуха в военном конфликте с войсками Султан-Мута Эндиреевского в 1580-1590-е гг. за раздел шамхальства. Вот салатавцы принимали участие, акушинцы, знать Кабарды и крымские татары. А Казикумух и лакцы – нет, они остались в стороне. Так какая же она столица шамхальства Казикумух?!; 4) Кумух – это место одной из резиденций в шамхальстве, которые еще были и в Акуша, Кафыр-Кумухе, Бойнаке, у Эндирея, у Сулака, у Торкали, у поселения Шамхал, Карабудахкент, и в других местах шамхальского владения. Иметь множество резиденций – это обычная практика государств на протяжении тысячелетий, но они не могут заменить столицу с его необходимой инфраструктурой; 5) идентичность правителя определяется его титулом, подданными и политикой, а не географией временного пребывания. Наличие резиденций, ставок в разных уголках большой по меркам того периода территорий многоконфессионального и многоэтнического шамхальства, демонстрировало масштаб его власти, а не смену национальной принадлежности самого правителя. Да, мы согласны что, уходя в Кумух какая-то часть населения оседала, сливаясь с местным населением. Но, это же показатель, что существенно изменилось соотношение сил между крупными экономическими, политическими центрами в Дагестане. Но, обращаем ваше внимание – от этого же не меняется название страны, да еще задним числом через 600 лет. Не меняется этничность правителя и всей династии если он уехал на дачи и в другие резиденции; 6) не просто антинаучен тезис о существовании «Казикумухского шамхальства» в X в., а еще о подчинении себе Тарков в том же самом X в. (лист 58 диссертации); 7) где династии карабудахкентская, дженгутаевская, отемышская и др., которые были в составе шамхальской семьи; 8) на странице 11 автореферата Палчаева Ф. пишет следующее: «похороненный на уцмийском кладбище в Кала-Корейше «владелец Кала-Корейша» Ахсибар сын Хиздана жил во второй половине XIII – начале XIV в. и в действительности был казикумухским шамхалом. После нашествия монголов Кайтаг был ослаблен и децентрализован, чем смог воспользоваться казикумухский шамхал Ахсибар, ненадолго захвативший власть в Кала-Корейше. Таким образом, Ахсибар мог не иметь отношения к династии уцмиев». Разве в научной работе можно выносить, как бесспорный вывод, а именно так сформулирован, что Ахсибар был казикумухским шамхалом. Где согласно Палчаевой написано на надгробном памятнике слова – «Казикумухский шамхал»? 9) читая саму диссертацию, у нас сложилось устойчивое мнение, что она, используя какие-то неофициальные генетические анализы (где полный перечень разрешительных документов на эксгумацию всех органов государственной власти на федеральном уровне?) пытается

поменять еще и национальную идентичность правителей шахмальства и всей тарковской династии. Такие документы необходимы при эксгумации останков правителей, хоть и региональных. Где согласия прямых официальных родственников, чье родство доказывается не по анализам, а по официальным документам еще периода Российской империи? Где официальное согласие Муфтията РД на эксгумацию захоронения, похороненного 600 лет тому назад по канонам ислама?

Выбор официальных оппонентов обоснован тем, что сфера их научных интересов связана с генеалогическими исследованиями политических элит России, династий, правивших на Кавказе и в Азии, а также исследованием различных аспектов политической истории государственных образований в средние века и новое время. Ведущая организация является авторитетным образовательным учреждением, имеющим в своем составе специалистов по истории Северного Кавказа с древности до нового времени.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

- впервые рассмотрена генеалогия династий трех дагестанских государственных образований;

- восстановлены на основе критического анализа источников генеалогические древа династий уцмиев, шамхалов и дербентско-кубинских ханов, а также установлены взаимосвязи исследованных династий;

- впервые в отношении дагестанских династий проанализированы принципы наследования и передачи власти в феодальных домах Дагестана;

- установлены региональные особенности в системе передачи политической власти;

- определены применявшиеся местными правителями методы легализации власти, а также инструменты ее легитимации;

- рассмотрены и систематизированы инструменты репрезентации власти, которыми пользовались представители местных династий;

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что:

- впервые подробно описана генеалогия ряда дагестанских династий;

- сформулированы ключевые тенденции эволюции институтов власти и властных отношений в государственных образованиях Дагестана;

- собран, проанализирован и систематизирован большой массив письменных источников и документов, как опубликованных, так и находящихся в центральных и региональных архивах;

- применение микроисторического подхода позволило более детально восстановить семейно-родственные связи династий.

Значение полученных диссертантом результатов исследования для практики определяется тем, что:

- результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов пособий по истории Дагестана и Северного Кавказа, при составлении генеалогических справочников. А также преподавании курса средневековой и новой истории Дагестана, подготовке учебных пособий.

- введенные в оборот источники составленные генеалогические схемы могут быть использованы исследователями при работе над смежными проблемами.

Оценка достоверности результатов исследования показала, что:

- исследование опирается на обширную источниковую базу, сформированную из документов федеральных (АВПРИ, РГАДА, РГВИА) и региональных (ЦГА РД) архивов, разноплановых источников местного и иноземного происхождения, эпиграфических сведений;

- полученные результаты подтверждаются использованными источниками, основательностью защищаемых положений, применением проверенной методологии, разработанной в российской и мировой исторической науке;

- выводы диссертанта о генеалогии дагестанских династий и их политическом развитии соотносятся с результатами, представленными в научных публикациях автора.

Личный вклад соискателя состоит в:

- выявлении, систематизации и анализе широкого круга разного характера источников, которые способствовали восстановлению генеалогии трех дагестанских династий, а также показали особенности функциональной составляющей их политической власти;

- детальном анализе политического развития дагестанских династий, элементов их политической власти в период с XIV в. до 1860 года;

- выявлении региональных особенностей формирования и реализации политической власти дагестанских династий (традиционализм, исламский фактор, внешнее влияние);

В ходе защиты диссертации были высказаны следующие основные замечания: об отсутствии в диссертации прямого обоснования логической связи между раннесредневековым Гумиком и его центром Кумухом как основой возникновения Казикумухского шамхальства; о недостаточной источниковой обоснованности датировки утверждения Сурхая, сына Алибека, шамхалом в 1641 году; о недостаточном внимании к междинастическим бракам и роли женщин в исследуемых династиях; о целесообразности сопоставления легенды об арабском происхождении дагестанских династий с аналогичными сюжетами мировой и российской истории; о недостаточной четкости предложенной во введении классификации источников; об отсутствии выводов в отдельных разделах работы (в частности, в разделе 1.3); о целесообразности анализа герба князя Тарковского 1853 г.; о погрешностях в оформлении сносок и списка литературы, а также о недостатках редактуры текста; о необходимости более развернутого анализа работ современных дагестанских историков и более полного сопоставления альтернативных версий происхождения шамхалов; о неточности цитирования имени сына Хамзы по публикации А. Берже; о недостаточном рассмотрении вопроса о записанной генеалогии как отдельном историографическом жанре средневекового Дагестана; о целесообразности продолжения генеалогического ряда дагестанских династий после 1860 года; о необходимости пояснить, почему единичные упоминания правителей Кайтага и

Казикумуха X–XII вв. не отнесены к исследуемым династиям, и обосновать рассмотрение дербентско-кубинской династии именно XVIII–XIX вв.; а также замечания, содержащиеся в отзывах на автореферат Б. А. Аджаматова и А. М. Темирова, касавшиеся датировки и терминологии Казикумухского шамхальства, соотношения понятий «столица» и «резиденция», географических границ шамхальства, полноты учета историографии по истории кумыкского народа и допустимости постановки вопроса об этническом происхождении династий, включая использование данных генетических исследований.

Соискатель Полчаева Ф. А. аргументированно ответила на поступившие замечания. Относительно связи Гумика и Кумуха соискатель пояснила, что сведения о раннесредневековом Гумике в источниках разрозненны и по-разному интерпретируются в историографии, а версия об их непосредственной связи, изложенная в исследовании А. Д. Курбанова, представляется наиболее обоснованной. Датировку утверждения Сурхая, сына Алибека, шамхалом в 1641 году соискатель подтвердила ссылкой на опубликованную в 1958 г. «Грамоту царя Михаила Федоровича кумыкскому князю Сурхаю», уточнив, что далее в диссертации указан переход власти к Сурхаю, сыну Герее. По вопросу о матримониальных связях и роли женщин соискатель отметила, что источники, как правило, не называют женщин по имени, в связи с чем их включение в генеалогические схемы возможно лишь при наличии достоверных сведений (в диссертации приведены, в частности, сведения о четырех браках Фатали-хана и об Умму Кулсум-бике, принявшей власть в период Кавказской войны), и сообщила, что первоначально планировавшийся отдельный параграф о роли женщин не был реализован из-за недостаточности материала.

Соглашаясь с замечанием официального оппонента О. Н. Наумова о целесообразности сопоставления легенды об арабском происхождении династий с аналогичными сюжетами мировой истории, соискатель отметила, что учет его при подготовке книжной версии исследования. Относительно классификации источников соискатель пояснила, что первоначально применявшаяся видовая систематизация оказалась излишне громоздкой ввиду разнородности использованных источников, в связи с чем был избран более простой для восприятия археографический принцип. С замечанием о гербе князя Тарковского соискатель согласилась, указав на недостаток собственных компетенций в геральдике для его детального анализа, и приняла замечания о необходимости унификации сносок и списка литературы.

Отвечая официальному оппоненту И. В. Зайцеву, соискатель согласилась с замечаниями по редактуре текста и оформлению научно-справочного аппарата. Она пояснила, что современные исследования по проблематике диссертации немногочисленны и касаются преимущественно генеалогии аварских нуцалов, эндиреевских и костековских шамхалов, тематически не совпадающих с предметом ее работы. Соискатель уточнила, что существующая в историографии дискуссия о происхождении шамхалов связана с вопросом их этнической принадлежности, который в диссертации не ставился ввиду полиэтничности рассматриваемых государственных образований и множественности междинастических браков их правителей, признав вместе с

тем, что упоминание альтернативных версий обогатило бы работу. По вопросу о расхождениях в передаче имени сына Хамзы (Имарэ / Уммара / Имад) соискатель отметила, что аналогичная работа по критическому сопоставлению переводов и редакций источника уже проводилась ею применительно к «Хронике Махмуда из Хиналуга», в результате чего один из уцмиев был исключен из генеалогической цепочки. Относительно вопроса о записанной генеалогии как историографическом жанре соискатель поблагодарила за рекомендацию, отметив, что этим направлением занимаются специалисты-источниковеды ее института.

На замечание И. А. Эмирханова о продолжении генеалогического ряда после 1860 года соискатель ответила, что верхняя граница хронологических рамок обусловлена ликвидацией местных государственных образований и политической власти дагестанских правителей в связи с образованием Дагестанской области, отметив вместе с тем, что отдельные исключения из этого правила в работе приведены. Отвечая А. Дж. Курбанову, соискатель пояснила, что упоминания правителей Кайтага и Казикумуха X–XII вв. носят разрозненный и слабо верифицируемый характер, что не позволяет обоснованно включить их в исследуемые генеалогические линии, а дербентско-кубинская династия XVIII–XIX вв. рассмотрена в силу ее связи с кайтагскими уцмиями и расцвета соответствующего государственного образования в указанный период. На замечание Н. Н. Гаруновой о недостаточном внимании к междинастическим бракам соискатель ответила, что формат автореферата не позволил в полной мере отразить соответствующий материал диссертации, где эти сюжеты представлены более подробно.

На замечания, содержащиеся в отзывах Б. А. Аджаматова, А. М. Акаева и А. М. Темирова, соискатель ответила развернуто, подчеркнув, что диссертация не ставит задачи определения этнической принадлежности исследуемых династий и не содержит утверждений о неавтохтонности кумыкского народа; что используемый в работе термин «резиденция» принципиально отличается от понятия «столица» и не исключает существования нескольких резиденций шамхалов (в Тарках, Бойнаке, Кафыр-Кумухе), тогда как определение Кумуха в качестве основной резиденции обосновано данными о расположении там шамхальского кладбища и подтверждается свидетельствами Л. И. Лаврова, Е. Н. Кушевой и Гасан-Эфенди Алкадари; что указанные в работе хронологические и территориальные характеристики шамхальства (в частности, его южная граница по р. Сулак и датировка ранних периодов IX–X вв.) отражают констатацию существующих в историографии версий, а не самостоятельные выводы соискателя; что отсутствие ссылок на ряд работ по истории кумыкского народа связано с тем, что предметом диссертации является генеалогия правящих династий, а не этническая история отдельных народов Дагестана; что вопрос о применении методов генетических исследований поставлен в работе исключительно как перспективное направление дальнейших исследований, что эксгумации ею, конечно, не проводились.

В целом, соискатель Полчаева Ф. А. аргументированно и обстоятельно ответила на вопросы и высказанные в ходе защиты диссертации замечания,

согласилась с рекомендациями, отметив, что часть из них будет учтена при подготовке книжной версии исследования и в дальнейшей научной работе.

На заседании 18 сентября 2026 г. диссертационный совет принял решение: за выполнение научной задачи, имеющей значение для развития отрасли знаний «Исторические науки» и существенно расширяющей представления о генеалогии дагестанских династий, а также их политической власти, присудить Полчаевой Ф. А. ученую степень кандидата исторических наук.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 11 человек, из них 8 докторов наук по специальности 5.6.1. Отечественная история, участвовавших в заседании, из 11 человек, входящих в состав совета, проголосовали: за - 11, против - нет, недействительных бюллетеней - нет.

Председатель
диссертационного совета
доктор исторических наук, проф.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук , доцент

18.09.2026

Канукова Залина Владимировна

Плиева Залина Тимуровна